

Альбус Дамблдор проводил взглядом закрывшуюся дверь Кабинета директора. Впервые за долгие годы директор ощутил глухое, бессильное беспокойство.

Почему всё пошло наперекосяк?

Он нахмурился, не отрывая взгляда от тяжёлой дубовой створки.

Дружба Гарри с Роном и Гермионой была именно тем, чего он так желал и к чему исподволь подталкивал мальчика. В конце концов, Уизли отличался храбростью, а юная Грейнджер — незаурядным умом. Главное же, оба происходили из надёжных семей и оставались чисты душой. Но откуда взялся этот Пан Джесас? Слизеринец без роду и племени...

Этот мальчишка явно не так прост, каким хочет казаться. Слишком сдержан, слишком терпелив и, без сомнения, силён. Пусть Дамблдор и не чувствовал в нём магической мощи, превосходящей уровень обычного одиннадцатилетнего первокурсника, но то, как искусно юноша обращался с волшебством и как глубоко понимал саму суть магических законов, заставляло причислить его к категории опасных противников.

Слишком похож. Похож на него. Дело было не в чертах лица, а в едва уловимых жестах, в мимолётных привычках.

Например, оба они предпочитали носить на левом мизинце кольцо из зелёного стекла. В магическом мире никто не делал кольца из простого стекла — оно ведь не кварц и не выдерживает магических колебаний, раскалываясь от первого же сотворённого заклинания.

Или то, как оба они неосознанно прикусывали губу, пытаясь что-то утаить. Или этот задумчивый, устремлённый в никуда взгляд, когда они погружались в раздумья, и привычка легонько побарабанить указательными пальцами по столу. И, конечно же, это необъяснимое личное обаяние, заставлявшее людей верить им и следовать за ними...

Разве что глаза у этого мальчика были ещё холоднее и безучастнее, чем у юного Тома, но при этом удивительно чисты. Этот взгляд казался незнакомым, но почему-то упрямо вызывал в памяти озёрную гладь у опушки Запретного леса — смутное, глубоко запрятанное чувство дежавю. Если бы Дамблдор не знал наверняка, что его память никогда не подвергалась чужому вмешательству, он бы заподозрил, что кто-то когда-то наложил на него заклятие забвения.

«Он не может быть его сыном!» — в ярости бросил ему Северус.

В этом выкрике сквозило отчаяние пополам с сомнением. Снейп колебался. Точно так же, как в юности его притянула сила Волдеморта, сейчас его неодолимо влекло к этому загадочному ребёнку. Тогда причиной была жажда могущества, но что движет им теперь?

Альбус не мог позволить себе потерять Снейпа. Тот был слишком важен для его планов. Именно поэтому директору приходилось вновь и вновь напоминать о прошлом, безжалостно беречь старые раны, поминать Лили и сдирать корку с едва затянувшегося шрама на сердце Северуса. Только так можно было удержать зельевара от очередного шага в бездну. Жестоко? Да. Но необходимо.

Этот ребёнок смертельно опасен. Пусть сейчас он не выказывает ни малейшего намерения навредить Гарри, его пронизательность пугает. Возможно, понимая собственную уязвимость, он затаился и выжидает — куда терпеливее, чем когда-то Волдеморт... И когда он обретёт желаемое могущество, мир содрогнётся.

— Фоукс, — Дамблдор мягко погладил своего верного феникса по золотистому оперению. — Мы ведь знаем, что он не погиб окончательно. Он вернётся. Более того, он уже здесь, верно? Но кто тогда Пан Джесас? Если он не Волдеморт, то кто?

Феникс не ответил. Вместо этого он демонстративно отвернул голову, уклоняясь от ласки директора.

— Неужели... Хозяин Запретного леса? — пробормотал старик. — Нет, вздор. Фиренце ясно дал понять, что Великий Хозяин погружён в глубокий сон. Он не проснётся, пока смертные не нарушат древний договор. Кто же ты тогда? Неужели действительно... первородный лесной эльф, чей род считался угасшим едва ли не тысячу лет назад?

Глядя на реакцию Фоукса, Дамблдор терялся в догадках. Пожалуй, только эльфийская природа могла объяснить, почему гордая птица упорно игнорирует его вопросы и наотрез отказывается разузнать хоть что-то о происхождении этого таинственного мальчика.

Пока Пан методично и аккуратно наводил Дамблдора на мысль о своём «эльфийском» происхождении, шумиха вокруг его персоны постепенно улеглась. Последующие две недели пролетели незаметно, ознаменовавшись двумя матчами по квиддичу: Гриффиндор сошёлся с Хаффлпаффом, а Слизерин — с Рейвенкло. Силы соперников распределились ожидаемо: гриффиндорцы и слизеринцы, превосходившие оппонентов в мастерстве, одержали уверенные победы. Теперь, чтобы окончательно определить лидера семестра, им предстояло сыграть решающий матч сразу после рождественских каникул. К вящему сожалению, из-за недавней «выходки» Пана лишили почётное право комментировать игры, так что у микрофона снова надрывался Ли Джордан. Сам же Джесас, проявив толику дружеской солидарности, посетил лишь игру своего факультета, к матчам Гриффиндора не проявив ни малейшего интереса.

Впрочем, неугомонная гриффиндорская троица словно приклеилась к нему. Ни холодное равнодушие самого Пана, ни ядовитые шпильки Драко не могли умерить их пыл. Юные львята устраивали на него настоящую охоту в библиотеке. В те редкие моменты, когда Малfoy отсутствовал на тренировках, они буквально зажимали Пана в угол, а когда Драко оказывался рядом, стычки между факультетами неизбежно заканчивались шумом, нарушавшим

священную тишину. В итоге разгневанная мадам Пинс с позором выставляла нарушителей за дверь.

Пан лишь мысленно вздыхал: он ведь не сделал ничего, что могло бы сойти за дружелюбие! Скорее всего, ребята просто надеялись выведать у него хоть какие-то сведения о Николасе Фламееле. Пан слыл знатоком истории магии, а Гермiona где-то обмолвилась, что мельком видела это имя в одном из исторических фолиантов. К счастью для него, близилось Рождество.

Пан не знал, засыпало ли Лондон так же сильно, но Хогвартс буквально утонул в сугробах толщиной в несколько футов. Именно тогда он впервые в полной мере осознал, насколько сильно, оказывается, боится холода.

Для существа, прожившего на свете не одну тысячу лет, пушистые хлопья снега давно утратили всякое очарование. А для призрака, веками лишённого физической оболочки, само ощущение стужи стёрлось из памяти. Стоило вновь обрести человеческую плоть, как холод превратился в злейшего врага. Пан окончательно превратился в затворника. Сначала он просто старался не попадаться на глаза гриффиндорцам, а затем и вовсе перестал покидать гостиную, предпочитая проводить всё время у камина.

Он прижимался к огню так близко, что Драко то и дело в ужасе вскрикивал:

— Пан! Ещё шаг, и ты спалишь свои платиновые волосы, которые и без того мозолят мне глаза!

Маленький слизеринец стремительно перенимал замашки своего декана, охотно брызжа ядом. Но Пану было всё равно. Он продолжал греться у пламени, а когда его вызывали в подземелья помогать профессору Снейпу, первым делом растапливал очаг и соглашался работать только в тепле. К слову, грозный декан относился к этой причуде на удивление снисходительно.

Со временем, когда Пан стал проводить в гостиной всё больше времени, обитатели змеиного факультета с удивлением обнаружили: их тихий, вежливый, элегантный сокурсник с безупречными манерами и туманным происхождением на самом деле обладает весьма язвительным характером и скрытным нравом. Словом, оказался искусным манипулятором под маской невинного ребёнка. Староста первого курса частенько тяжело вздыхал или, забыв о хвалёном аристократическом этикете, в сердцах кричал на своего сожителя. Разумеется, всё это происходило за закрытыми дверями зелёной гостиной и наружу не просачивалось. Но постепенно Пан, даже не стремясь к этому, сделался центром всеобщего внимания. Внутри гостиной все бурно обсуждали его способность в упор не замечать Малфоя, из-за чего поползли слухи, будто Джесас — внебрачный сын кого-то из Малфоев. Вне гостиной же циркулировали гриффиндорские сплетни: поговаривали, будто злосчастный золотой снитч на матче заколдовал именно этот невзрачный первокурсник.

Наконец наступило Рождество.

Двадцать третьего декабря Драко, долго и шумно собиравший вещи, уехал домой. За ним разъехались и остальные слизеринцы. Пан остался в подземельях в гордом одиночестве, если не считать змеино-го короля по соседству.

Утром двадцать пятого декабря Пан проснулся рано. Он не ждал подарков и сам ничего не готовил — по его глубокому убеждению, Рождество было праздником исключительно магловским. Да и из-за жуткого холода у него просто не нашлось времени выбраться за покупками. Тем не менее у подножия его кровати выросла внушительная гора коробок.

Первыми бросались в глаза три свёртка в вызывающе яркой красно-золотой обёртке. В серебристо-зелёных тонах слизеринской гостиной они смотрелись дико. Их прислали гриффиндорцы.

Гермиона подарила книгу по истории магии — для Пана абсолютно бесполезную макулатуру, разве что пустить на растопку камина.

Рон расщедрился на сладости. Судя по подозрительной упаковке, это были проделки его старших близнецов — что-то вроде конфет «Карамельки-бомбы».

Гарри подарил перьевую ручку. Как знаток волшебной фауны, Пан мгновенно определил, что перо принадлежало фениксу. И весьма вероятно, конкретному фениксу по имени Фоукс. Учитывая тёплые отношения Поттера с длиннорылым директором, это почти наверняка было так. Использовать столь ценный ингредиент, идеальный для сердцевинки волшебной палочки, в качестве банального писчего пера было верхом кощунства. Чтобы избавить Дамблдора от зрелища ободранного любимца, Пан решил засунуть подарок в самый дальний угол сундука и благополучно забыть о его существовании.

Блейз Забини прислал флакон магического парфюма — по сути, обычную цветочную вытяжку без капли волшебства. Пан мысленно набросал пару рецептов, как использовать эту жидкость в качестве основы для зелий.

Пэнси Паркинсон прислала коробку изящных пирожных, испечённых её домашним эльфом — «чтобы ты не умер с голоду в своих подземельях». Доля правды в этом была: с началом снегопадов Пан действительно почти не выходил наружу, заставляя Драко носить ему еду из Большого зала. Но сегодня, в Рождество, он всё же намеревался посетить праздничный пир.

Подарок Драко оказался самым странным — платиновая шёлковая лента для волос, украшенная тончайшей рунической вышивкой. Вещь дорогая и искусная, но дарить её на Рождество?.. Это как-то слабо вязалось с показным величием Малфоев. Впрочем, Пан аккуратно убрал её в шкатулку.

Остальные подарки прислали знакомые и незнакомые ученики, чьи лица Пан едва помнил. В основном это были книги по истории магии и изящные броши от старшекурсниц. Глядя на эту груду, Пан заподозрил, что его одарил едва ли не весь Слизерин.

Была тут и посылка от Сивиллы Трэлони — миниатюрный хрустальный шар, работавший по принципу сквозного зеркала. Скрытая от посторонних глаз магия позволяла видеть изображение только тому, кто держал шар прямо перед собой. Крайне полезная вещь, идеально отражавшая суть её ремесла.

Но всё же... с какой стати волшебники празднуют Рождество? Зачем заваливать его подарками? Они что, надеются разорить его на ответных дарах?

Пан усмехнулся. Взяв стопку небольших пергаментных карточек, он принялся за работу. Особо не задумываясь, он выводил на них первые пришедшие в голову заклинания на древнем эльфийском языке. Затем подозвал скучающего филина Малфоев, терпеливо ждавшего у окна, и привязал увесистый пакет к его лапке. Бедная птица послушно ждала изысканного ответа для своего маленького хозяина, а вместо этого получила кипу записок с приказом разнести их адресатам до заката. Сила, исходившая от странного мальчика, не позволяла филину послушаться. В итоге к вечеру все отправители получили весьма ценный, хотя мало кем понятый дар — свитки с эльфийскими рунами.

Гарри и Рон остались без писем. Пан рассудил, что поблагодарит их лично за ужином — так можно сэкономить время и не утруждать себя лишней писаниной.

Рождественский пир начался в семь вечера. Поскольку Пан оказался единственным оставшимся в замке слизеринцем, неугомонный директор усадил его за гриффиндорский стол. Логика была проста: один факультет опустел сильнее всех, другой остался самым многолюдным — идеальный баланс. Пан лишь недовольно поморщился, а вот гриффиндорцы отнеслись к этому равнодушно. Гарри и вовсе искренне обрадовался.

«Разве они не должны меня ненавидеть?» — мысленно хмыкнул Пан, поражаясь их странному мышлению.

Ужин с гриффиндорцами оказался суровым испытанием для желудка. За столом царил первобытный хаос. Десятки рук тянулись к общим блюдам, полностью игнорируя столовые приборы. Именно в этот момент Пан с ужасом осознал, что страдает лёгкой формой брезгливости.

Кое-как выудив из нетронутых уголков стола порцию тушёного горошка с маслом и тыквенный суп, он придвинул тарелку к себе. В этот момент праздничные хлопушки начали взрываться одна за другой, заволакивая зал синим дымом и осыпая присутствующих дурацкими шляпами. Пан окончательно потерял аппетит. Похоже, пирожные Пэнси пришлось как нельзя кстати: по крайней мере, голодная смерть от брезгливости ему больше не грозила.

Когда на столах вспыхнул облитый ромом рождественский пудинг, Пан тихо выскользнул из зала. Вернувшись в подземелья, он наскоро перекусил подарком Пэнси и решил, что морозная ночь — идеальное время для прогулки по Запретному лесу. Накинув тёплую, подбитую мехом

мантию с глубоким капюшоном, которую предусмотрительно оставил ему Драко, он отправился в путь.

Однако у судьбы были другие планы.

Пан воспользовался тайным ходом, ведущим из гостиной Слизера. Этот проход был странным: один его конец всегда оставался в подземельях, а вот второй то и дело менял своё расположение. Ещё вчера выход находился в чулане под лестницей неподалёку от вестибюля, но стоило Пану сделать шаг наружу сегодня, как он упёрся взглядом в огромное зеркало в золочёной раме.

Если бы перед зеркалом не парил одинокий, лишённый тела подростковый затылок, Пан счёл бы это место обычной уборной для старост. Но зрелище было слишком примечательным.

— Пан? — Гарри испуганно обернулся, но, узнав однокурсника, облегчённо выдохнул и стянул с себя струящуюся серебристую ткань мантии-невидимки. — А я решил, что это Филч. Как ты здесь оказался? Я тебя не слышал.

Пан криво усмехнулся. Стоило ему собраться в лес, как на пути обязательно возникало какое-нибудь препятствие. На этот раз им оказалось легендарное Зеркало Еиналеж.

— Ты только посмотри, Пан! Иди сюда, — Гарри взволнованно указал на зеркальное полотно, желая поделиться своим открытием. — Смотри... они там...

Пан не ответил. Он вглядывался в раму, на которой была высечена вязь древних символов. Нараспев, едва шевеля губами, он произнёс:

— «Еиналеж овежсав я лажотроон ушдан ушав ен юавызако я».

— Что? Что ты говоришь? — Гарри непонимающе уставился на него.

Пан смотрел на стекло. Отражение не показывало Гарри. В глубине рамы стоял одиннадцатилетний мальчик в чёрной мантии. Капюшон был откинут назад, открывая длинные платиновые волосы. Его лицо оставалось бесстрастным, но он едва заметно и грустно улыбнулся.

Вот, значит, каково его сокровенное желание.

— Знаешь, Гарри... — Пан усмехнулся и повернулся к другу.

— Что? — Поттер стоял, заворожённый видением в зеркале, и с трудом воспринимал реальность. Ему стало совестно: Пан впервые заговорил с ним сам, а он едва слушает.

— Будь моя воля, я бы разбил это зеркало к чертям, — спокойно произнёс Пан.

— Но... почему? — опешил Гарри. — Ведь в нём...

— В нём твои иллюзии, — Пан указал пальцем на перевёрнутую надпись на раме. — Оно показывает не истину, а лишь то, чего мы жаждем всем сердцем. Самую глубокую, несбыточную тоску нашей души. Хочешь сказать, то, что ты видишь — правда?

Пан мысленно поморщился. Всё пошло наперекосяк. Эти слова должен был сказать Дамблдор, а не он — призрак прошлого, не имеющий права вмешиваться в историю.

— Оно заставит меня забыть о жизни? — тихо спросил Гарри, глядя на свои сжатые кулаки.

Пан посмотрел в эти зелёные, так похожие на мамины глаза и отвёл взгляд. Когда Гарри уже решил, что ответа не будет, слизеринец негромко произнёс:

— Ну, это точно не зеркальце из сказки про Белоснежку. По крайней мере, когда я спросил его, кто на свете всех милее, оно предпочло промолчать.

— Что? — Гарри невольно улыбнулся, и тень печали на его лице рассеялась. — Ты... спрашивал его об этом?

— Спрашивал. Очень давно, — вздохнул Пан, натягивая капюшон глубже на глаза. — Мне пора. И мой тебе совет: держись от него подальше. Оно приносит только беды.

Не дожидаясь расспросов, Пан шагнул обратно в темноту потайного хода. Створка захлопнулась, оставив Гарри в тишине наедине с мерцающим зеркалом.

<http://bllate.org/book/18188/1759140>